
Рассказ «Одна на окраине и её детский сад»

[Олег СЛЕПЫНИН \(Украина\)](#) - 26 мая 2015

Body

ПРОВЕРЕНО

Олег Слепынин

.

Одна на окраине и её детский сад

рассказ

.

Памяти родных и близких, соавторов Великой Победы: Юрия Колобаева, Сергея и Любви Офросимовых, Сергея Илларионова, Марии Дриневиц, Павла Сулемы, Бориса Василюкова, болящей Полины Хайбуллиной...

.

Они сидели на веранде за столом – немолодая женщина, подчёркнуто аккуратно одетая, и дети – два мальчика и девочка. Солнечный свет, пройдя за окном сквозь голые весенние ветви старой яблони, мутными пятнами накрывал клеёнчатую поверхность длинного стола, на которой россыпью лежали разноцветные фломастеры, сжимающие солнце в тонкие линии, несколько ярких книжек и три больших листа для рисования.

– Сначала я прочитаю, потом – вы... Катя, ты согласна?

Катя у неё была новенькой. Девочка смутилась и, поглядев в потолок, шепнула: – Да.

.

Зинаида Петровна вела занятия в своём личном детском садике по программе государства, которого давно уже не было. Сегодняшний день в конспекте она обозначила: «ВОВ»; она была хорошим педагогом и знала, как таким детям нужно рассказывать о войне. Зинаида Петровна прочитывала им коротенькие строчки и показывала картинки – с танками, пожаром, работающим заводом и салютом над Кремлём.

– Мой папа тоже на войне! – вдруг сказал Назар, самый впечатлительный из них, и засопел, собираясь заплакать.

– Я знаю, – тихо сказала. – А плакать – не надо.

.

В середине года из родной своей школы пришлось уволиться. Сил хватило дотянуть до

новогодних каникул, до школьной ёлки. Старый директор, добродушный и вислоусый Богдан Иванович, умевший ладить с коллективом и начальством, обходя – с лукавым прищуром глаз – любые острые углы, умер внезапно. Мало кто знал, что на самом деле он думал о происходящем на Украине. Но вот новый директор, поставив в своём кабинете рядом с портретом Шевченко портрет Бандеры, своих настроений скрывать не стал. На первом же собрании педколлектива он как бы вывернул себя наизнанку. В своём переезде из Тернополя он видел миссию просветителя, и человеческого в этом обнаружилось совсем немного. Неживая электрическая идейность, увиденная вблизи, Зинаиду Петровну покорила.

Вскоре директор выкрасил стеклянную дверь своей приёмной в сине-жёлтый. С этой двери в представлении Зинаиды Петровны и пошла по Украине пошесть красить в цвета государственного флага всё подряд – мосты, стены, заборы. В этом она видела тайную подлость князей мира сего, подсеивание ненависти, что в будущем наверняка всем ещё отольётся горючими слезами. Освоившись и заручившись поддержкой учителя истории, новый директор порекомендовал для средних и младших классов разминку: «Хто не скаче, той москаль», как на Майдане. Зинаида Петровна внутри себя тогда и проговорила: «Не хочу! Не хочу...» И с подругой Аллой обсуждала: «Он настоящий бандеровский фанатик!..» «Угу, – поддакивала Алла. – То есть человек современный, в мейнстриме. Сожрёт. Я по повадке чую – сожрёт. Ещё и в СБУ наступит, что у тебя иные педагогические воззрения. А как фамилию услышала...» – «Фамилия ни при чём, – Зинаида Петровна отмахнулась от её сурово-ироничного тона. – Атмосфера стала ядовитой». – «А я тебе ещё когда говорила!.. Нужно готовить площадку для эвакуации. И сейчас предлагаю: ехать с нами...»

Алла и её муж Костя, – ближайšie её друзья – заговорили об отъезде ещё прошлой весной, в мае четырнадцатого. У них уже есть площадка – в Подмосковье. Их ждут. Костя очень хороший детский терапевт, Алла – дизайнер по интерьерам. Оба поют в церкви на клиросе, Костя ещё и пономарит. Не пропадут. В прошлом году на день Победы они сидели на этой веранде, обсуждали одесские события. Костя припомнил об Иоанне Златоусте, как тот в бане мылся. Мол, святитель спросил учеников: кто здесь ещё моется? Ему указали: вот тот – язычник. «Бежим! – вдруг вскричал Иоанн, – Бежим отсюда!» Он выскочил из бани, как был, не помывшись. Ученики, догнав, спросили: почему бежим? Потому, ответил, что мы не знаем, когда прольётся гнев Господень на грешника, поэтому нужно держаться от него подальше...

Здравый смысл подсказывал: в таком возрасте и в такое время новой работы не найти, нужно держаться, потерпеть: времена меняются. Вот не было этого Маципуры (фамилия директора), и когда-нибудь вновь не будет... А уходить в новый педколлектив – так везде свои тонкости, своя – как водится – подковёрщина. И окажется хрен редьки не слаще.

Площадку она так и не подготовила. Разузнав о настроениях в двух соседних школах, где ещё не всё скакало, но всё уже к тому шло, – уволилась в пустоту, в никуда.

– Теперь то же самое и ты, Катя, прочитай.

Девочка, распрямив спину, стесняясь незнакомого красивого мальчика, уверенно поставив палец на строчку, принялась читать:

– Много лет назад на нашу Родину в летний солнечный день напали немецкие фашисты – с танками, пушками, самолётами... Они бомбили наши города, заводы, бомбили наш

Киев...

– Ты хорошо читаешь... Ты, Катя, просто молодец! Теперь... Теперь ты, Серёжа...

Мальчик с тонким лицом, с болезненной синевой в подглазьях, подтянул к себе книжку.

.

Работа подвернулась очень скоро. Прямо в новогодние каникулы. И такая, какой не ждала. Соседка – из особняка с синей крышей, что через три дома, попросила посидеть с дочкой: деть некуда, не тащить же в Киев, а дома одну как оставить, такое время...

Такое время – это про то, что у них в посёлке, который испокон веку был селом, а с недавних пор – из грязи в князи – стал именоваться элитным посёлком, после майдана несколько особняков ограбили, а один большой дом за высоким красным забором, сожгли.

Соседка привела девочку и принесла ноутбук.

– Она не будет мешать. Пусть себе мультики смотрит. Посадите где-нибудь.

– Нет, нет, – Зинаида Петровна выставила ладонь стенкой. – Никаких мультиков, никаких компьютеров. У меня и свой компьютер, если что. Я с ней позанимаюсь. Почитаем, порисуем, погуляем... Я соскучилась по ребятам... Тебя как звать?..

Потом стали появляться другие дети.

.

– Серёжа... Я хочу сказать... Ты всё хорошо прочитал, – погладила она мальчика, с удовольствием ощутив под ладонью его пушистые волосы. – Но! Ты торопишься и поэтому сбиваешься. Давай-ка прочитай ещё разок. Не торопись. Всматриваясь. В. Каждое. Слово. А потом нам почтает Назар...

Сергей тяжело вздохнул, читать ему не хотелось.

– А мы ёжика сегодня пойдём смотреть? – спросил он.

Назар востепенулся:

– Ёжика!?

.

Назар был из непростой семьи. Его отец, массивный молодой мужчина, когда привёл его в первый раз, говорил с хамоватым напором, от него пахло.

– Я уезжаю, – он говорил. – А жена у меня – балованная, белоручка. Не приспособленная. Решил, пусть Назар по субботам и воскресеньям у вас...

– По воскресеньям – только после часа дня, – строго посмотрела ему в глаз Зинаида Петровна. – В субботу – до трёх дня. А в любой другой день, хоть и в каникулы, с семи утра.

– Почему?

- Так мне удобно.

- В церковь ходите? – неожиданно догадался он.

- Точно.

- В нашу, к Ивану?

- Нет, в нашу, в каноническую.

- К московскому попу?

Она не ответила и, уже предчувствуя его ответ, мягко перевела разговор на него самого:

- Далеко? Надолго?

- Туда! – энергично ответил. – Не могу дома сидеть! В батальон записался. Поскорее хочу хоть одного москаля убить.

Зинаида Петровна вздрогнула. Он смотрел прозрачно-глуповатыми глазами убийцы, явно желая услышать что-то одобрительное. А у неё чуть с языка не слетело: «Вам и ехать не надо. Если так уж замуж невтерпёж, меня убейте». Но не сорвалось. Да и мальчик ей понравился. Сонный, толстенький как хомячок, ждущий пробуждения.

- Назар?

- И я Назар, и он Назар.

- Но я веду занятия на русском.

- Знаю. Согласен. По-украински он и так выучится. Мы-то дома и сами по-русски...

- А на работе?

- Какая теперь работа!

.

Назара приводить стала белоручка – молодая раздражительная женщина. У неё были удивительно тонкие ноги и нескладная фигура. Наверное, от таких в первую очередь и сбегают, не сексуальная в глазах мужика, – подумала почему-то. Но и одёрнула себя: и я теперь без мужа, чужая семья – тёмный лес.

.

С Назаром пришлось повозиться.

- Назарчик, ты не молчи. Читать будешь?

Тот сидел насуплено:

- Не хочу по-российски!

- Назарчик!.. А ты не думай, что это по-российски. Просто читай и думай, про что читаешь. Старайся видеть, что читаешь. А потом нарисуешь... Мне интересно, ты умеешь рисовать?

Или вообще не умеешь?!

.

Сейчас книжка от Сергея провернулась к нему, Назар бойко читал:

– Фашисты хотели захватить наши земли, реки и сады, города и сёла, а наших людей – убить, а других сделать слугами и рабами... Зинаида Петровна, а где ёжик?

– Ёжик под дубом... Ладно... До салюта Победы мы так и не дочитались. Теперь будем рисовать.

– А я про танки хочу нарисовать, – Катя смотрела на Серёжу. Но тот своей мыслью был занят:

– Я нарисую чёрное солнце.

– Чёрное? – Зинаида Петровна склонилась к нему. – Знаешь, нарисуй салют Победы... Война кончилась чем?

Серёжа с готовностью откликнулся:

– Победой! Русские победили, а немцы сдались...

Назар поднял глаза к её глазам и задумчиво проговорил:

– Русские очень плохие.

Зинаида Петровна поперхнулась:

– Почему?!

Назар пожал круглыми плечиками, мол, это всем известно, но решил пояснить:

– Витя... Витя сказал, что один русский поймал человека, оторвал ему сначала одну руку, потом другую, потом ноги оторвал. Руки бросил крокодилу! А ноги – акуле!

– Какая глупость! – снисходительно проговорила Зинаида Петровна. А потом ещё раз, но теперь со смехом: – Какая глупость... Назарка! И ты в такую чепуху поверил?.. В крокодила и акулу?

Девочка хмыкнула.

Сергей возил пальцем по оконному стеклу.

Назар смотрел исподлобья:

– Мой папа... По телевизору мама смотрит... Смотрит. Ругается и плачет...

– Гу-лять! – Зинаида Петровна хлопнула в ладони. – Потом порисуем. А сейчас пойдём ёжика смотреть!.. Серёжа, ты нам расскажешь, как зимуют ежи? Вот медведи – в берлоге. А ежи?..

.

Этот дом построил её дед Антон Гаврилович после войны, как с фронта вернулся; долго строил. А перестраивал в дачу уже через много лет отец, перед самой своей отставкой, когда они вновь попали в Киев, вернувшись из долгих странствий по гарнизонам Союза; отец был офицером войск связи, обслуживал локаторы. Тогда и появилась эта просторная веранда с цветными и нецветными стёклами, газ и водопровод. А на месте огорода возник сад. Отец говорил, будет у тебя много детей, хорошо им здесь будет: сад переходит в лес, за лесом речка... Тогда, в восьмидесятом она только замуж вышла, а дед в тот год умер вслед за бабушкой... Вот и свершилось. В иные дни у неё собиралось до семи детей. Правда, всё сложилось совсем не так, как отцу думалось...

Она с детьми шла через сад, мимо пробуждающихся деревьев – на ветвях уже проклёвывались почки, как птичьи клювики. Если потеплеет – взлетят зелёные крылья, зеленью быстро всё покроется, разлетятся по саду бело-розовые цветы. Здесь каждая яблоня и слива, каждое грушевое, вишнёвое или абрикосовое дерево имели свою историю, помнили руки отца, а некоторые и руки деда. Они шли по утоптанной дорожке сквозь сырое пространство ранней весны вглубь сада. В конце участка, где сад смыкается с лесом, была обширная поляна, уже даже прозеленевшая. Летом это было самое травянисто-зелёное место на свете! На этом месте когда-то стояла хата, в которой родились её отец и дед. Хату сожгли немцы в сорок втором, спалили тогда всю их улочку, весь их кут. Улица и сейчас находится как бы чуть в стороне от остальной части посёлка. Но теперь с одной стороны к ней подступает Киев, с другой – особняки элитариев. А тогда их куток был как бы вдвинут в лес – с десятком своих хат, сараями, погребями и огородами. Партизаны, выходя их леса, сразу попадали в село, брали приготовленные им продукты. Иногда они и ночевали у своих.

Немцы отнеслись к операции сожжения их улочки как к технологической операции – поделовому, безо всякой злобы. Им нужно было решить проблему с партизанами на этом участке, они её решили. Приехал взвод солдат на большом крытом грузовике. Жителей выгнали на огороды – женщин, детей, стариков и немногих мужчин; облили хаты из канистр и подожгли огненными факелами. Женщины и дети выли, мужчины смотрели на огонь и на немцев, на их автоматы, ждали, когда уйдут, чтобы хоть что-то выхватить из огня. Смотрел на немцев и дед – Антон Гаврилович.

В первый раз он был мобилизован в самом начале войны и попал под Киевом в плен, оказался в Дарницком концлагере. Бабушка его нашла, и немцы его отпустили; они отпускали местных. Второй раз его мобилизовали в ноябре сорок третьего, когда наши Киев освободили. И вот тогда уж дед ушёл на войну надолго, повоевал так повоевал, прошёл невредим до Берлина и вернулся с орденом и двумя медалями. Дом стал строить на новом месте, в самом удалённом от леса месте, где прежде был конец огорода. Война как бы вывернула участок наизнанку, вывернув наизнанку жизнь.

«Бабушка, как ты деда ждала?»

«Работала и молилась. Колхоз, огород и коза. Двоих детей растила... Знаешь, кого боялась?.. Не догадаешься! Почтальонши Зины! И Стёпка с Валею – твой папка и тётя твоя – закрывали глаза и молили Бога вслед за мной: «Господи! Только не к нам! Только не к нам!» Боялись, что похоронка. Но Зина нам только хорошие вести приносила – письма от нашего Антона Гавриловича. А потом война кончилась! Принесла нам Зина письмо, а в нём: еду, встречайте!.. Как мы обнимали эту Зину! И папка твой, и Валя, и я!.. Антон

Гаврилович из Германии велосипед привёз и ещё замочек блестящий, что без ключа открывался и закрывался!..»

Зинаида Петровна смутновато помнила и велосипед необыкновенный, и замочек кодовый. А что абсолютно ясно помнила с самого малого детства – могучие руки деда. Он придерживал её за худые коленки, а она им рулила, держа за уши... Уже первоклассницей была, когда в Дарнице открыли памятник замученным в Дарницком лагере. И тогда у деда на шее сидела. Дед показывал – колючая проволока была натянута рядами вокруг сосен. Он встречался с давними своими знакомыми, они тоже были в медалях. Вспоминали: «Пять дней нас немцы не поили, не кормили, траву и кору жевали...»

С ранних лет она помнила и парк Славы, что рядом с Аскольдовой могилой. Сколько людей там бывало в семидесятые и позже, сколько людей! Тысячи и тысячи. Красные флаги, фронтовые песни, которых никогда по радио не услышишь, цветущие каштаны, обнимание старых товарищей, застоля. А когда ветераны шли в строю и вдруг примолкал оркестр – звон медалей стоял над цветущим городом...

И так стыдно теперь перед ними, так стыдно...

И с отцом, в каких бы гарнизонах он ни служил – и в Харькове, и на Чукотке, и в Орле, и в Житомире – день Победы повсюду они с мамой отмечали как самый главный праздник.

.

Все людские жалобы бабушка смиряла ответом: «Перемелется. Пусть будет как угодно тяжело, это по грехам нашим, но только бы не было войны. Только бы не было войны!» И как-то затёрлись эти слова, скатались в пыль, стали скучны. И вот опять война. Эх, Донбасс, Донбасс... Как там Николай?

.

Около корявого высокого дуба, ещё чёрного, в корнях которого, в глубокой рытвине под листьями спал ёж, – свернувшись в седой колючий шар, – она прочитала: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь...» И так до конца, заглядывая каждому ребёнку в глаза: «И там я был, и мёд я пил; у моря видел дуб зелёный; под ним сидел, и кот учёный свои мне сказки говорил».

Назар слушал, вытаращив глаза. Он вдруг заглянул за дуб, похоже, в поисках кота.

– Тебе понравилось?

– Это стихи, – только теперь догадался Назар. – Хорошие.

– А сочинил их Пушкин. Русский поэт, между прочим. А ты говоришь – крокодил.

Катя хихикнула, а Сергей присел над рытвиной с ежом, засовывая вглубь листьев леденцовую розовую конфету.

Зинаида Петровна вспомнила, как несколько лет назад, ещё в мирное время, возила свой класс в Каменку – в пушкинско-чайковский музей. День был зимний, пушкинский, народу – много; очередь. Перед ними шла группа из сельской школы. Зинаида Петровна зашла с ними в музей – в одноэтажный домик, состоящий из небольших комнаток – с множеством любопытных экспонатов на стенах и в стеллажах.

Пушкин в этом Зелёном домике, помнила она откуда-то, валяясь на бильярде, почёркивал

в блокнот. Ей хотелось посмотреть на бильярдный стол. Экскурсовод, молодая женщина, с плачущими глазами как бы смотрящими вглубь себя, вскинула указку и, овладевая вниманием детей, спросила: «Дети, кто перед вами?» Кончик упирался в бронзовый – в рост – прекрасный скульптурный портрет Пушкина. Дети почти хором ответили: «Шевченко!»

Потом, когда она рассказала эту историю Алле, та, всегда мрачно насмешливая, удовлетворённо кивнула: «Действительно! Как в анекдоте. Почему памятник Горькому, если “Му-му” Тургенев написал?.. Вот и непонятно – почему Пушкин, если вокруг улицы, библиотеки и даже железнодорожная станция – имени Шевченко».

Огорчена она была не ответом сельских детей, а тем, что бильярдный стол в войну немцы куда-то запроторили. Теперь на том месте рояль Чайковского, что, конечно, намного и педагогичней, но всё же... Всё же факт пропажи пушкинского бильярда – это не плюс европейцу. «Хорошо хоть рояль Чайковского они тогда не украли, – прокомментировала Алла. – А я знаю – хотели!»

Алла со своим мужем Костей заехали к ней попрощаться в воскресенье после службы. Пообедали – Алла вареников постных с вишней привезла, чай пили с коржами и малиновым джемом. Под иконами светилась фиолетовая лампадка.

– Уладилось всё-таки?

– С квартирой уладилось, – Алла деловито кивнула. – Сдали. Вроде люди приличные. Из Львова.

– Да-а? – Зинаида Петровна произнесла это кратко, с особой интонацией, мол, ну вы и даёте.

– Не поверишь!.. Знаешь, какая забота нас вдруг обуяла? Ленточки георгиевские стали с Костей искать, чтобы жильцы не обозлились, если наткнутся... Ты помнишь, как мы в прошлом году на день Победы...

.

Она помнила.

Встретились на своём месте в парке Славы, с цветами, чувствуя в воздухе напряжение. Молодые люди с бейджиками майдановских активистов шныряли повсюду. Они же, с бейджиками, взяли в каре, в окружение, группу людей с красными знамёнами Победы.

Костя и Николай, муж Зинаиды Петровны, косились на них:

– Надзиратели.

– А я этих сопляков не боюсь, – мрачно усмехнулась Алла и достала из сумки георгиевскую ленточку. Она повязала её, огненно-чёрную, вокруг брошки, на лацкан пиджака.

– А я боюсь, – сказала Зинаида Петровна, копируя мрачность Аллы. – И пристроила свою ленточку – уголком в карманчик на груди. – Пусть любят.

Мужчины опоясали огненно-чёрным стебли сирени и гвоздик. Но и это вызвало суету среди майданщиков. Кто-то из них, встав рядом, стал истошно кричать: «Слава Украине». Ему нахраписто откликнулись: «Героям слава!»

– И сала тоже, – посоветовала Алла.

В ноутбуке, открытом на письменном столе, переливчатыми гудками прорезался скайп.

Зинаида Петровна посмотрела на часы.

– Пятнадцать ноль-ноль. Это Николай.

– Давай его сюда, хоть посмотрим, – Костя встал и перекрестился на иконы: – Спаси его, Господи!

Зинаида Петровна нажала на зелёный значок, появилась картинка. Экран заполнило лицо Николая, её мужа, родное лицо. Впрочем, ещё и краешек воротника камуфляжной куртки был приметен. Он молчал. И она молчала. Разглядела: в бороде седины прибавилось, на ухе пластырь какой-то, но глаза весёлые. Проговорила, беззвучно шевеля губами: «Скучаю!» И он беззвучно: «Люблю!» И широко улыбнулся. Переднего зуба не было. Она всплеснула руками и повернула экран к Косте с Аллой. Через минуту Николай, находясь где-то под Луганском, отключил скайп.

– Вот и пообщались.

Они почему-то думали, что если молчать после звонка, обходясь беззвучной речью, аппаратура эсбэушно-цэрэушная в течение этой минуты не засечёт их контакт. Договариваясь о связи, Николай пытался их высмеять: – Люди взрослые, детей своих вырастили, те уже и по свету разлетелись, а вам всё теории заговора и тотальной слежки мерещатся.

– Увы, – отозвалась Алла, – не теория, но практика.

Трезво помыслив, они сошлись на том, что отследить и проанализировать миллионы контактов те, конечно, не в состоянии. Но то, что штатовская аппаратура всё подряд сканирует и в нужный момент, что им понадобится, сможет вычленивать, – не сомневались. Решили судьбу не искушать: пореже светиться, поменьше говорить.

– Теперь из Звенигорода ему спокойно будем звонить, – сказал Костя. – Но вот вопрос. У вас вообще, какие планы?

– Звал к себе. Как и вы с собою.

– И?

– Куда мне ехать! Уеду – дом разграбят, ещё и сожгут. Как соседей. А это, между прочим, мой родной дом... Да и никто никому нигде в чужой земле не нужен... Знаете, я вот уверена, что когда-нибудь вы все вернётесь. И вы, и Николай, и наш Антон со своей китаянкой Дашей...

– Как они там?

– Они... – Зинаида Петровна помолчала. – Да вроде всё нормально. Сан-Франциско! Живут

суетно и сыто. В церковь не ходят. Говорят, к Иоанну далеко ездить. Звонят редко. Очень мне их жаль... Вот есть у меня один воспитанник, его отец – айдаровец...

– Который мечтал поскорее хоть одного москаля убить?

– Мне их жалко так же, как и его. Звонил этот айдаровец. Вернулся. Причём давно. Жена его говорит: – загулял. Денег полно, рестораны, девочки, вино. Звонил, сказал: завтра заедет, разговор есть...

Про айдаровца Алле и Косте в сочувственном ключе слушать было неинтересно. Заспешили. Распрощались на том, что на Пасху, к 12 апреля, даст Бог, съедутся, отпразднуют в Саввино-Сторожевской обители, в Звенигороде. Они к тому времени, за месяц, обоснуются. Она приедет из Киева (если границу не перекроют), а Николая они вытянут из Луганска.

– Теперь, вроде, перемирие...

.

Она физически почувствовала, что друзья её всеми мыслями уже далеко, оторвались от неё, их нет. За окном поднялся ветер, где-то заскрипели петли ворот, ударились стальные створки. Ей казалось, это звук – от разрыва человеческих связей. В приоткрытое окно понесло ледяным холодом.

– Вот так весна! Снегом запахло...

Распрощались.

.

С утра с небес сыпал ледяной дождь. Детей не было. Она включила под настроение музыку. Отец Назара заехал, как обещал. Открыла. Крепкая фигура, осунувшееся лицо, беловатые глаза, камуфляж, на шевроне – «Айдар». Не здороваясь, вытащил из кармана пачку денег, стал отсчитывать.

– Хочу на год вперёд дать!

– Я не возьму.

– Как? Почему?!

– Боюсь, это цена крови.

– Чего?!

– Невинного Авеля.

– В смысле?! Мы что, на разных языках говорим?.. Вы прогоняете Назара? Бросаете его?

– Вам бы домой вернуться. Назар вас каждый день...

– Я уже вернулся. Вам какое дело! Вы его бросаете?

– Мы действительно на разных языках... И даже не в том дело, что вы с утра пьяны...

Они стояли на веранде у окна. Снаружи бушевал ветер. Дождь лупил по веткам и стволам деревьев, слезил оконное стекло. На длинном столе лежали три детских рисунка. На одном маленькие танки, пушки и солдатики стреляли друг в друга огненными точками. На другом синим пламенем горел пятиэтажный дом, а над ним висело чёрное солнце. На третьем был многоцветный салют, дерево и усатый кот, ловко нарисованный.

– Вы слушаете интересные песни! – сказал айдаровец, кивнув ей за спину.

Из дальней комнаты доносилась маршевая песня «Прощание славянки». В свисте ветра почему-то отчётливо слышалось каждое слово. За окном дождь переходил в снег, обочины садовых дорожек становились седыми.

– Снег... А так бы весны хотелось, – сказала она, наблюдая за тем, как он медленно расстёгивает молнию куртки и берётся за рукоятку тяжёлого ножа, торчащую из ножен, прикреплённых на груди светло-коричневыми ремешками. – Так бы весны хотелось.

– Какой из них Назара? – он повернул свободной рукой детские рисунки к себе.

– Этот!.. С салютом и котом.

– С котом? Правда? Назар умеет так рисовать?

Он был этим сбит и от неожиданности отпустил рукоятку и задёрнул молнию.

– И ведь придёт, – сказала она.

– Что придёт? Я не понимаю! Вы о чём, о чём? Что придёт?!

– Я говорю, так хотелось бы весны, а тут – снег...

Она засмеялась.

2015

Слепынин Олег Семёнович.

Автор поэтического сборника «Закон сообщающихся трещин» (2005); авторского альманаха "На печке по святой Руси" (2010); прозаические произведения помещались в журналах: «Москва», «Образ», «Воин России», «Новая книга России», «Роман-журнал XXI век» и др.; член Союза писателей России (1997); лауреат литературных премий им. Ю.

Долгорукого (2005), «Русская премия» (2006); премия кинофестиваля "Радонеж" за сценарий художественного фильма «Самородок» (2011).

Памяти родных и близких, соавторов Великой Победы: Юрия Колобаева, Сергея и Любви Офросимовых, Сергея Илларионова, Марии Дриневиц, Павла Сулемы, Бориса Василюкова, болящей Полины Хайбуллиной...

Они сидели на веранде за столом – немолодая женщина, подчёркнуто аккуратно одетая, и дети – два мальчика и девочка. Солнечный свет, пройдя за окном сквозь голые весенние ветви старой яблони, мутными пятнами накрывал клеёнчатую поверхность длинного стола, на которой рассыпью лежали разноцветные фломастеры, сжимающие солнце в тонкие линии, несколько ярких книжек и три больших листа для рисования.

– Сначала я прочитаю, потом – вы... Катя, ты согласна?

Катя у неё была новенькой. Девочка смутилась и, поглядев в потолок, шепнула: – Да.

Зинаида Петровна вела занятия в своём личном детском садике по программе государства, которого давно уже не было. Сегодняшний день в конспекте она обозначила: «ВОВ»; она была хорошим педагогом и знала, как таким детям нужно рассказывать о войне. Зинаида Петровна прочитывала им коротенькие строчки и показывала картинки – с танками, пожаром, работающим заводом и салютом над Кремлём.

– Мой папа тоже на войне! – вдруг сказал Назар, самый впечатлительный из них, и засопел, собираясь заплакать.

– Я знаю, – тихо сказала. – А плакать – не надо.

В середине года из родной своей школы пришлось уволиться. Сил хватило дотянуть до новогодних каникул, до школьной ёлки. Старый директор, добродушный и вислоусый Богдан Иванович, умевший ладить с коллективом и начальством, обходя – с лукавым прищуром глаз – любые острые углы, умер внезапно. Мало кто знал, что на самом деле он думал о происходящем на Украине. Но вот новый директор, поставив в своём кабинете рядом с портретом Шевченко портрет Бандеры, своих настроений скрывать не стал. На первом же собрании педколлектива он как бы вывернул себя наизнанку. В своём переезде из Тернополя он видел миссию просветителя, и человеческого в этом обнаружилось совсем немного. Неживая электрическая идейность, увиденная вблизи, Зинаиду Петровну покорила.

Вскоре директор выкрасил стеклянную дверь своей приёмной в сине-жёлтый. С этой двери в представлении Зинаиды Петровны и пошла по Украине пошесть красить в цвета государственного флага всё подряд – мосты, стены, заборы. В этом она видела тайную подлость князей мира сего, подсеивание ненависти, что в будущем наверняка всем ещё отольётся горючими слезами. Освоившись и заручившись поддержкой учителя истории, новый директор порекомендовал для средних и младших классов разминку: «Хто не скаче, той москаль», как на Майдане. Зинаида Петровна внутри себя тогда и проговорила:

«Не хочу! Не хочу...» И с подружкой Аллой обсуждала: «Он настоящий бандеровский фанатик!..» «Угу, – поддакивала Алла. – То есть человек современный, в мейнстриме. Сожрёт. Я по повадке чую – сожрёт. Ещё и в СБУ настучит, что у тебя иные педагогические воззрения. А как фамилию услышала...» – «Фамилия ни при чём, – Зинаида Петровна отмахнулась от её сурово-ироничного тона. – Атмосфера стала ядовитой». – «А я тебе ещё когда говорила!.. Нужно готовить площадку для эвакуации. И сейчас предлагаю: ехать с нами...»

Алла и её муж Костя, – ближайšie её друзья – заговорили об отъезде ещё прошлой весной, в мае четырнадцатого. У них уже есть площадка – в Подмосковье. Их ждут. Костя очень хороший детский терапевт, Алла – дизайнер по интерьерам. Оба поют в церкви на клиросе, Костя ещё и пономарит. Не пропадут. В прошлом году на день Победы они сидели на этой веранде, обсуждали одесские события. Костя припомнил об Иоанне Златоусте, как тот в бане мылся. Мол, святитель спросил учеников: кто здесь ещё моется? Ему указали: вот тот – язычник. «Бежим! – вдруг вскричал Иоанн, – Бежим отсюда!» Он выскочил из бани, как был, не помывшись. Ученики, догнав, спросили: почему бежим? Потому, ответил, что мы не знаем, когда прольётся гнев Господень на грешника, поэтому нужно держаться от него подальше...

Здравый смысл подсказывал: в таком возрасте и в такое время новой работы не найти, нужно держаться, потерпеть: времена меняются. Вот не было этого Маципуры (фамилия директора), и когда-нибудь вновь не будет... А уходить в новый педколлектив – так везде свои тонкости, своя – как водится – подковёрщина. И окажется хрен редьки не слаще.

Площадку она так и не подготовила. Разузнав о настроениях в двух соседних школах, где ещё не всё скакало, но всё уже к тому шло, – уволилась в пустоту, в никуда.

– Теперь то же самое и ты, Катя, прочитай.

Девочка, распрямив спину, стесняясь незнакомого красивого мальчика, уверенно поставив палец на строчку, принялась читать:

– Много лет назад на нашу Родину в летний солнечный день напали немецкие фашисты – с танками, пушками, самолётами... Они бомбили наши города, заводы, бомбили наш Киев...

– Ты хорошо читаешь... Ты, Катя, просто молодец! Теперь... Теперь ты, Серёжа...

Мальчик с тонким лицом, с болезненной синевой в подглазьях, подтянул к себе книжку.

Работа подвернулась очень скоро. Прямо в новогодние каникулы. И такая, какой не ждала. Соседка – из особнячка с синей крышей, что через три дома, попросила посидеть с дочкой: деть некуда, не тащить же в Киев, а дома одну как оставить, такое время...

Такое время – это про то, что у них в посёлке, который испокон веку был селом, а с недавних пор – из грязи в князи – стал именоваться элитным посёлком, после майдана несколько особняков ограбили, а один большой дом за высоким красным забором, сожгли.

Соседка привела девочку и принесла ноутбук.

- Она не будет мешать. Пусть себе мультики смотрит. Посадите где-нибудь.

- Нет, нет, - Зинаида Петровна выставила ладонь стенкой. - Никаких мультиков, никаких компьютеров. У меня и свой компьютер, если что. Я с ней позанимаюсь. Почитаем, порисуем, погуляем... Я соскучилась по ребятне... Тебя как звать?..

Потом стали появляться другие дети.

.

- Серёжа... Я хочу сказать... Ты всё хорошо прочитал, - погладила она мальчика, с удовольствием ощутив под ладонью его пушистые волосы. - Но! Ты торопишься и поэтому сбиваешься. Давай-ка прочитай ещё разок. Не торопись. Всматриваясь. В. Каждое. Слово. А потом нам почитает Назар...

Сергей тяжело вздохнул, читать ему не хотелось.

- А мы ёжика сегодня пойдём смотреть? - спросил он.

Назар встрепенулся:

- Ёжика!?

.

Назар был из непростой семьи. Его отец, массивный молодой мужчина, когда привёл его в первый раз, говорил с хамоватым напором, от него пахло.

- Я уезжаю, - он говорил. - А жена у меня - балованная, белоручка. Не приспособленная. Решил, пусть Назар по субботам и воскресеньям у вас...

- По воскресеньям - только после часа дня, - строго посмотрела ему в глаз Зинаида Петровна. - В субботу - до трёх дня. А в любой другой день, хоть и в каникулы, с семи утра.

- Почему?

- Так мне удобно.

- В церковь ходите? - неожиданно догадался он.

- Точно.

- В нашу, к Ивану?

- Нет, в нашу, в каноническую.

- К московскому попу?

Она не ответила и, уже предчувствуя его ответ, мягко перевела разговор на него самого:

- Далеко? Надолго?

- Туда! - энергично ответил. - Не могу дома сидеть! В батальон записался. Поскорее хочу хоть одного москаля убить.

Зинаида Петровна вздрогнула. Он смотрел прозрачно-глуповатыми глазами убийцы, явно желая услышать что-то одобрительное. А у неё чуть с языка не слетело: «Вам и ехать не надо. Если так уж замуж невтерпёж, меня убейте». Но не сорвалось. Да и мальчик ей понравился. Сонный, толстенький как хомячок, ждущий пробуждения.

– Назар?

– И я Назар, и он Назар.

– Но я веду занятия на русском.

– Знаю. Согласен. По-украински он и так выучится. Мы-то дома и сами по-русски...

– А на работе?

– Какая теперь работа!

.

Назара приводить стала белоручка – молодая раздражительная женщина. У неё были удивительно тонкие ноги и нескладная фигура. Наверное, от таких в первую очередь и сбегают, не сексуальная в глазах мужика, – подумала почему-то. Но и одёрнула себя: и я теперь без мужа, чужая семья – тёмный лес.

.

С Назаром пришлось повозиться.

– Назарчик, ты не молчи. Читать будешь?

Тот сидел насуплено:

– Не хочу по-русски!

– Назарчик!.. А ты не думай, что это по-русски. Просто читай и думай, про что читаешь. Старайся видеть, что читаешь. А потом нарисуешь... Мне интересно, ты умеешь рисовать? Или вообще не умеешь?!

.

Сейчас книжка от Сергея провернулась к нему, Назар бойко читал:

– Фашисты хотели захватить наши земли, реки и сады, города и сёла, а наших людей – убить, а других сделать слугами и рабами... Зинаида Петровна, а где ёжик?

– Ёжик под дубом... Ладно... До салюта Победы мы так и не дочитались. Теперь будем рисовать.

– А я про танки хочу нарисовать, – Катя смотрела на Серёжу. Но тот своей мыслью был занят:

– Я нарисую чёрное солнце.

– Чёрное? – Зинаида Петровна склонилась к нему. – Знаешь, нарисуй салют Победы... Война кончилась чем?

Серёжа с готовностью откликнулся:

– Победой! Русские победили, а немцы сдались...

Назар поднял глаза к её глазам и задумчиво проговорил:

– Русские очень плохие.

Зинаида Петровна поперхнулась:

– Почему?!

Назар пожал круглыми плечиками, мол, это всем известно, но решил пояснить:

– Витя... Витя сказал, что один русский поймал человека, оторвал ему сначала одну руку, потом другую, потом ноги оторвал. Руки бросил крокодилу! А ноги – акуле!

– Какая глупость! – снисходительно проговорила Зинаида Петровна. А потом ещё раз, но теперь со смехом: – Какая глупость... Назарка! И ты в такую чепуху поверил?.. В крокодила и акулу?

Девочка хмыкнула.

Сергей возил пальцем по оконному стеклу.

Назар смотрел исподлобья:

– Мой папа... По телевизору мама смотрит... Смотрит. Ругается и плачет...

– Гу-лять! – Зинаида Петровна хлопнула в ладони. – Потом порисуем. А сейчас пойдём ёжика смотреть!.. Серёжа, ты нам расскажешь, как зимуют ежи? Вот медведи – в берлоге. А ежи?..

Этот дом построил её дед Антон Гаврилович после войны, как с фронта вернулся; долго строил. А перестраивал в дачу уже через много лет отец, перед самой своей отставкой, когда они вновь попали в Киев, вернувшись из долгих странствий по гарнизонам Союза; отец был офицером войск связи, обслуживал локаторы. Тогда и появилась эта просторная веранда с цветными и нецветными стёклами, газ и водопровод. А на месте огорода возник сад. Отец говорил, будет у тебя много детей, хорошо им здесь будет: сад переходит в лес, за лесом речка... Тогда, в восьмидесятом она только замуж вышла, а дед в тот год умер вслед за бабушкой... Вот и свершилось. В иные дни у неё собиралось до семи детей. Правда, всё сложилось совсем не так, как отцу думалось...

Она с детьми шла через сад, мимо пробуждающихся деревьев – на ветвях уже проклёвывались почки, как птичьи клювики. Если потеплеет – взлетят зелёные крылья, зеленью быстро всё покроется, разлетятся по саду бело-розовые цветы. Здесь каждая яблоня и слива, каждое грушевое, вишнёвое или абрикосовое дерево имели свою историю, помнили руки отца, а некоторые и руки деда. Они шли по утопанной дорожке сквозь сырое пространство ранней весны вглубь сада. В конце участка, где сад смыкается с лесом, была обширная поляна, уже даже прозеленевшая. Летом это было самое травянисто-зелёное место на свете! На этом месте когда-то стояла хата, в которой

родились её отец и дед. Хату сожгли немцы в сорок втором, спалили тогда всю их улочку, весь их кут. Улица и сейчас находится как бы чуть в стороне от остальной части посёлка. Но теперь с одной стороны к ней подступает Киев, с другой – особняки элитариев. А тогда их куток был как бы вдвинут в лес – с десятком своих хат, сараями, погребями и огородами. Партизаны, выходя их леса, сразу попадали в село, брали приготовленные им продукты. Иногда они и ночевали у своих.

Немцы отнеслись к операции сожжения их улочки как к технологической операции – поделовому, безо всякой злобы. Им нужно было решить проблему с партизанами на этом участке, они её решили. Приехал взвод солдат на большом крытом грузовике. Жителей выгнали на огороды – женщин, детей, стариков и немногих мужчин; облили хаты из канистр и подожгли огненными факелами. Женщины и дети выли, мужчины смотрели на огонь и на немцев, на их автоматы, ждали, когда уйдут, чтобы хоть что-то выхватить из огня. Смотрел на немцев и дед – Антон Гаврилович.

В первый раз он был мобилизован в самом начале войны и попал под Киевом в плен, оказался в Дарницком концлагере. Бабушка его нашла, и немцы его отпустили; они отпускали местных. Второй раз его мобилизовали в ноябре сорок третьего, когда наши Киев освободили. И вот тогда уж дед ушёл на войну надолго, повоевал так повоевал, прошёл невредим до Берлина и вернулся с орденом и двумя медалями. Дом стал строить на новом месте, в самом удалённом от леса месте, где прежде был конец огорода. Война как бы вывернула участок наизнанку, вывернув наизнанку жизнь.

«Бабушка, как ты деда ждала?»

«Работала и молилась. Колхоз, огород и коза. Двоих детей растила... Знаешь, кого боялась?.. Не догадаешься! Почтальонши Зины! И Стёпка с Валею – твой папка и тётя твоя – закрывали глаза и молили Бога вслед за мной: «Господи! Только не к нам! Только не к нам!» Боялись, что похоронка. Но Зина нам только хорошие вести приносила – письма от нашего Антона Гавриловича. А потом война кончилась! Принесла нам Зина письмо, а в нём: еду, встречайте!.. Как мы обнимали эту Зину! И папка твой, и Валя, и я!.. Антон Гаврилович из Германии велосипед привёз и ещё замочек блестящий, что без ключа открывался и закрывался!..»

Зинаида Петровна смутновато помнила и велосипед необыкновенный, и замочек кодовый. А что абсолютно ясно помнила с самого малого детства – могучие руки деда. Он придерживал её за худые коленки, а она им рулила, держа за уши... Уже первоклассницей была, когда в Дарнице открыли памятник замученным в Дарницком лагере. И тогда у деда на шее сидела. Дед показывал – колючая проволока была натянута рядами вокруг сосен. Он встречался с давними своими знакомыми, они тоже были в медалях. Вспоминали: «Пять дней нас немцы не поили, не кормили, траву и кору жевали...»

С ранних лет она помнила и парк Славы, что рядом с Аскольдовой могилой. Сколько людей там бывало в семидесятые и позже, сколько людей! Тысячи и тысячи. Красные флаги, фронтовые песни, которых никогда по радио не услышишь, цветущие каштаны, обнимание старых товарищей, застолья. А когда ветераны шли в строю и вдруг примолкал оркестр – звон медалей стоял над цветущим городом...

И так стыдно теперь перед ними, так стыдно...

И с отцом, в каких бы гарнизонах он ни служил – и в Харькове, и на Чукотке, и в Орле, и в

Житомире – день Победы повсюду они с мамой отмечали как самый главный праздник.

Все людские жалобы бабушка смиряла ответом: «Перемелется. Пусть будет как угодно тяжело, это по грехам нашим, но только бы не было войны. Только бы не было войны!» И как-то затёрлись эти слова, скатались в пыль, стали скучны. И вот опять война. Эх, Донбасс, Донбасс... Как там Николай?

Около корявого высокого дуба, ещё чёрного, в корнях которого, в глубокой рытвине под листьями спал ёж, – свернувшись в седой колючий шар, – она прочитала: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь...» И так до конца, заглядывая каждому ребёнку в глаза: «И там я был, и мёд я пил; у моря видел дуб зелёный; под ним сидел, и кот учёный свои мне сказки говорил».

Назар слушал, вытаращив глаза. Он вдруг заглянул за дуб, похоже, в поисках кота.

– Тебе понравилось?

– Это стихи, – только теперь догадался Назар. – Хорошие.

– А сочинил их Пушкин. Русский поэт, между прочим. А ты говоришь – крокодил.

Катя хихикнула, а Сергей присел над рытвиной с ежом, засовывая вглубь листьев леденцовую розовую конфету.

Зинаида Петровна вспомнила, как несколько лет назад, ещё в мирное время, возила свой класс в Каменку – в пушкинско-чайковский музей. День был зимний, пушкинский, народу – много; очередь. Перед ними шла группа из сельской школы. Зинаида Петровна зашла с ними в музей – в одноэтажный домик, состоящий из небольших комнаток – с множеством любопытных экспонатов на стенах и в стеллажах.

Пушкин в этом Зелёном домике, помнила она откуда-то, валяясь на бильярде, почёркивал в блокнот. Ей хотелось посмотреть на бильярдный стол. Экскурсовод, молодая женщина, с плачущими глазами как бы смотрящими вглубь себя, вскинула указку и, овладевая вниманием детей, спросила: «Дети, кто перед вами?» Кончик упирался в бронзовый – в рост – прекрасный скульптурный портрет Пушкина. Дети почти хором ответили: «Шевченко!»

Потом, когда она рассказала эту историю Алле, та, всегда мрачно насмешливая, удовлетворённо кивнула: «Действительно! Как в анекдоте. Почему памятник Горькому, если “Му-му” Тургенев написал?.. Вот и непонятно – почему Пушкин, если вокруг улицы, библиотеки и даже железнодорожная станция – имени Шевченко».

Огорчена она была не ответом сельских детей, а тем, что бильярдный стол в войну немцы куда-то запроторили. Теперь на том месте рояль Чайковского, что, конечно, намного и педагогичней, но всё же... Всё же факт пропажи пушкинского бильярда – это не плюс европейцу. «Хорошо хоть рояль Чайковского они тогда не украли, – прокомментировала Алла. – А я знаю – хотели!»

Алла со своим мужем Костей заехали к ней попрощаться в воскресенье после службы. Пообедали – Алла вареников постных с вишней привезла, чай пили с коржами и малиновым джемом. Под иконами светилась фиолетовая лампадка.

– Уладилось всё-таки?

– С квартирой уладилось, – Алла деловито кивнула. – Сдали. Вроде люди приличные. Изю Львова.

– Да-а? – Зинаида Петровна произнесла это кратко, с особой интонацией, мол, ну вы и даёте.

– Не поверишь!.. Знаешь, какая забота нас вдруг обуяла? Ленточки георгиевские стали с Костей искать, чтобы жильцы не обозлились, если наткнутся... Ты помнишь, как мы в прошлом году на день Победы...

.

Она помнила.

Встретились на своём месте в парке Славы, с цветами, чувствуя в воздухе напряжение. Молодые люди с бейджиками майдановских активистов шныряли повсюду. Они же, с бейджиками, взяли в каре, в окружение, группу людей с красными знамёнами Победы.

Костя и Николай, муж Зинаиды Петровны, косились на них:

– Надзиратели.

– А я этих сопляков не боюсь, – мрачно усмехнулась Алла и достала из сумки георгиевскую ленточку. Она повязала её, огненно-чёрную, вокруг брошки, на лацкан пиджака.

– А я боюсь, – сказала Зинаида Петровна, копируя мрачность Аллы. – И пристроила свою ленточку – уголком в карманчик на груди. – Пусть любуются.

Мужчины опоясали огненно-чёрным стебли сирени и гвоздик. Но и это вызвало суету среди майданщиков. Кто-то из них, встав рядом, стал истошно кричать: «Слава Украине». Ему нахраписто откликались: «Героям слава!»

– И сала тоже, – посоветовала Алла.

.

В ноутбуке, открытом на письменном столе, переливчатыми гудками прорезался скайп.

Зинаида Петровна посмотрела на часы.

– Пятнадцать ноль-ноль. Это Николай.

– Давай его сюда, хоть посмотрим, – Костя встал и перекрестился на иконы: – Спаси его, Господи!

Зинаида Петровна нажала на зелёный значок, появилась картинка. Экран заполнило лицо Николая, её мужа, родное лицо. Впрочем, ещё и краешек воротника камуфляжной куртки был приметен. Он молчал. И она молчала. Разглядела: в бороде седины прибавилось, на ухе пластырь какой-то, но глаза весёлые. Проговорила, беззвучно шевеля губами: «Скучаю!» И он беззвучно: «Люблю!» И широко улыбнулся. Переднего зуба не было. Она всплеснула руками и повернула экран к Косте с Аллой. Через минуту Николай, находясь где-то под Луганском, отключил скайп.

– Вот и пообщались.

Они почему-то думали, что если молчать после звонка, обходясь беззвучной речью, аппаратура эсбэушно-цэрэушная в течение этой минуты не засечёт их контакт. Договариваясь о связи, Николай пытался их высмеять: – Люди взрослые, детей своих вырастили, те уже и по свету разлетелись, а вам всё теории заговора и тотальной слежки мерещатся.

– Увы, – отозвалась Алла, – не теория, но практика.

Трезво помывшись, они сошлись на том, что отследить и проанализировать миллионы контактов те, конечно, не в состоянии. Но то, что штатовская аппаратура всё подряд сканирует и в нужный момент, что им понадобится, сможет вычленишь, – не сомневались. Решили судьбу не искушать: пореже светиться, поменьше говорить.

– Теперь из Звенигорода ему спокойно будем звонить, – сказал Костя. – Но вот вопрос. У вас вообще, какие планы?

– Звал к себе. Как и вы с собою.

– И?

– Куда мне ехать! Уеду – дом разграбят, ещё и сожгут. Как соседей. А это, между прочим, мой родной дом... Да и никто никому нигде в чужой земле не нужен... Знаете, я вот уверена, что когда-нибудь вы все вернётесь. И вы, и Николай, и наш Антон со своей китаянкой Дашей...

– Как они там?

– Они... – Зинаида Петровна помолчала. – Да вроде всё нормально. Сан-Франциско! Живут суетно и сыто. В церковь не ходят. Говорят, к Иоанну далеко ездить. Звонят редко. Очень мне их жаль... Вот есть у меня один воспитанник, его отец – айдаровец...

– Который мечтал поскорее хоть одного москаля убить?

– Мне их жалко так же, как и его. Звонил этот айдаровец. Вернулся. Причём давно. Жена его говорит: – загулял. Денег полно, рестораны, девочки, вино. Звонил, сказал: завтра заедет, разговор есть...

Про айдаровца Алле и Косте в сочувственном ключе слушать было неинтересно. Заспешили. Распрощались на том, что на Пасху, к 12 апреля, даст Бог, съедутся, отпразднуют в Саввино-Сторожевской обители, в Звенигороде. Они к тому времени, за месяц, обоснуются. Она приедет из Киева (если границу не перекроют), а Николая они вытянут из Луганска.

– Теперь, вроде, перемирие...

Она физически почувствовала, что друзья её всеми мыслями уже далеко, оторвались от неё, их нет. За окном поднялся ветер, где-то заскрипели петли ворот, ударились стальные

створки. Ей казалось, это звук – от разрыва человеческих связей. В приоткрытое окно понесло ледяным холодом.

– Вот так весна! Снегом запахло...

Распрощались.

.

С утра с небес сыпал ледяной дождь. Детей не было. Она включила под настроение музыку. Отец Назара заехал, как обещал. Открыла. Крепкая фигура, осунувшееся лицо, беловатые глаза, камуфляж, на шевроне – «Айдар». Не здороваясь, вытащил из кармана пачку денег, стал отсчитывать.

– Хочу на год вперёд дать!

– Я не возьму.

– Как? Почему?!

– Боюсь, это цена крови.

– Чего?!

– Невинного Авеля.

– В смысле?! Мы что, на разных языках говорим?.. Вы прогоняете Назара? Бросаете его?

– Вам бы домой вернуться. Назар вас каждый день...

– Я уже вернулся. Вам какое дело! Вы его бросаете?

– Мы действительно на разных языках... И даже не в том дело, что вы с утра пьяны...

.

Они стояли на веранде у окна. Снаружи бушевал ветер. Дождь лупил по веткам и стволам деревьев, слезил оконное стекло. На длинном столе лежали три детских рисунка. На одном маленькие танки, пушки и солдатики стреляли друг в друга огненными точками. На другом синим пламенем горел пятиэтажный дом, а над ним висело чёрное солнце. На третьем был многоцветный салют, дерево и усатый кот, ловко нарисованный.

– Вы слушаете интересные песни! – сказал айдаровец, кивнув ей за спину.

Из дальней комнаты доносилась маршевая песня «Прощание славянки». В свисте ветра почему-то отчётливо слышалось каждое слово. За окном дождь переходил в снег, обочины садовых дорожек становились седыми.

– Снег... А так бы весны хотелось, – сказала она, наблюдая за тем, как он медленно расстёгивает молнию куртки и берётся за рукоятку тяжёлого ножа, торчащую из ножен, прикреплённых на груди светло-коричневыми ремешками. – Так бы весны хотелось.

– Какой из них Назара? – он повернул свободной рукой детские рисунки к себе.

– Этот!.. С салютом и котом.

- С котом? Правда? Назар умеет так рисовать?

Он был этим сбит и от неожиданности отпустил рукоятку и задёрнул молнию.

- И ведь придёт, - сказала она.

- Что придёт? Я не понимаю! Вы о чём, о чём? Что придёт?!

- Я говорю, так хотелось бы весны, а тут - снег...

Она засмеялась.

.

Изображение: "У Лукоморья". [Лёка Лёкина](#).

[Олег СЛЕПЫНИН \(Украина\)](#) - 26 мая 2015

<http://webkamerton.ru//2015/05/rasskaz-odna-na-okraine-i-eyo-detskij-sad>